

УДК 93.908
ББК 63.3(2)

ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЭВОЛЮЦИЯ ИТАЛЬЯНСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ В КОНТЕКСТЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ И ИТАЛО-СОВЕТСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Даниэле Ланца, аспирант истории, старший преподаватель Санкт-Петербургского Политехнического Университета
e-mail: dnl.lanza@gmail.com

Аннотация: в статье углубленно рассматривается тема отношений между Италией и Советским Союзом в течение центральных пятнадцати лет холодной войны и последствия сложных отношений между коммунистическими партиями обеих стран, разрываемых между идеологической верностью и потребностями «реальной политики». В частности, в момент кульминации холодной войны итальянская коммунистическая Партия задается вопросом о собственной идентичности и о роли в отношениях с Советской Россией и другими странами.

Ключевые слова: итальянская коммунистическая партия, международные отношения, неприсоединившиеся страны, советская история, холодная война.

IDENTITY AND EVOLUTION OF ITALIAN COMMUNIST PARTY IN THE CONTEST OF COLD WAR AND SOVIET ITALIAN RELATIONS

Daniele Lanza, Ph.d. student philosophy, Lecturer at Saint Petersburg Polytechnic University.
e-mail: dnl.lanza@gmail.com

Annotation: In the article is considered relationship between Italy and Soviet Union during central fifteen years of the cold war and consequences of complicated relations between communist parties of both countries divided between ideological fidelity and demands of realpolitik. In particular, at the time of the culmination of cold war the Italian communist party is questioned on its own identity and on its role in the relations with the Soviet Russia and other countries.

Keywords: Italian communist party, international relations, non-aligned countries, Soviet history, cold war.

Все ещё нераспутанным узлом итальянской историографии остается природа Коммунистической Партии Италии: степень её независимости по отношению к Коммунистической Партии Советского Союза, её роль в развитии отношений между Советским Союзом и Итальянской Республикой в течение центральных десятилетий холодной войны. В качестве общей и наиболее важной по своей фундаментальности предпосылки нужно помнить о том, что Итальянская Коммунистическая Партия занимала аномальное положение в социально-политической системе Италии послевоенного времени. Принимая во внимание решающую роль в ходе сопротивления фашизму, КПИ в годы сразу после окончания конфликта играет решающую роль в поддержании политического и социального равновесия в стране: вместе с Социалистической Партией способствует окончанию монархии в Италии и играет важную роль в формировании новой республиканской конституции, за небольшое количество лет получив поддержку значительной доли электората. В 1960-х годах КПИ перешагивает отметку в 2 миллиона членов и за вторую половину 70-х гг. набирает почти 35% голосов на национальных выборах[Трессани, online]. Именно эти исключительные цифры обеспечивают итальянским коммунистам совершенно особенный статус по отношению к другим коммунистическим партиям Европы: фактически, несмотря на вступление Италии в НАТО, КПИ удается быть самой большой и могущественной коммунистической партией в Европе (и на Востоке) в течение всей холодной войны.

Прекрасной интегрированностью в культурный состав итальянской политической системы после Второй Мировой войны КПИ обязана решительным действиям первого секретаря партии Пальмиро Тольятти, который по договорённости со Сталиным решает временно отказаться от собственной оппозиции по отношению к итальянской монархии и присоединиться к коалиции антифашистских сил с целью оказаться в конце войны в лагере победителей. Такой выбор имеет последствия значительной важности для итальянской политической системы: КПИ заслуживает репутацию организованной силы, надёжной и ответственной, верной демократическому государству, которое формируется после окончания фашизма. Итальянская коммунистическая Партия получает в качестве победного приза включение в систему после десятилетий пребывания в изоляции и подполья, однако, такое включение происходит в политическую систему несоциалистическую и тесно связанную с про-атлантической коалицией. Это специфическое противоречие, порождённое реальной политикой Второй Мировой войны, берет начало в двойной преданности, характеризующей ИКП: идеологическая верность принципам социализма и

поэтому созвучие с директивами Коммунистической Партии Советского Союза, и с другой стороны национальная преданность государству (члену НАТО), частью которого она является.

В период, следующий непосредственно за концом холодной войны, внимание историков концентрируется на истинной природе КПИ и её роли в период десятилетий, имеющих критическое значение для исхода холодной войны. Главным образом это степень зависимости от директив КПСС, её действия в отношениях между Советским Союзом и Италией, а также её роли на международном плане в отношениях с другими крупными коммунистическими партиями. Поэтому крайне важно подчеркнуть, что такое противоречие оказывается в основе исторической оценки отношений между КПИ и КПСС. В связи с этим в итальянской историографии периода, следующего за периодом холодной войны, формируются два основных направления мысли в отношении природы итальянской коммунистической партии: согласно мнению одной части историков сущность КПИ неразрывно связана с Советской Россией, которая определяет её поведение и инициативы, в то время как согласно альтернативному историографическому течению партия сохраняла значительную степень свободы действий и, таким образом, национальную идентичность [F. Lussana G.Marramao, 2003, st.550].

В общем анализ отношений между Советским Союзом и Итальянской Республикой в центральные десятилетия холодной войны несколько затруднителен в плане источников. Как подчёркивает историк Сильвио Понс, источники могут быть подразделены на три категории, среди которых основные – источники собственно дипломатической природы, а также архивы самой Коммунистической Партии Италии. Первая проблема возникает именно в отношении труднодоступности как советских, так и европейских дипломатических архивов, поскольку доступ к такого рода материалам крайне ограничен действующими правилами [Pons, 2001, st.929], которые фактически скрывают бумаги и документы, относящиеся к концу 50-х гг., в то время как источники в виде архивов Коммунистической Партии Италии, сохранённые фондом Антонио Грамши, напротив находятся в открытом доступе и дают интересную панораму итало-советских отношений во временном промежутке более чем в 30 лет. Несмотря на все ограничения, характеризующие каждый отдельный источник, можно, прежде всего, определить, что отношения между Итальянской Республикой и Советским Союзом развиваются в двух разных планах – в чисто политическом и идеологическом. Другими словами, существует советская политика в отношении итальянского государства, которую мы могли бы определить как нормальные отношения между государствами,

характеризующиеся формальными дипломатическими отношениями, но с другой стороны существует также второй более неформальный канал, можно сказать «личные отношения» между СССР и КПИ, как если бы последняя была самостоятельной единицей или государством в государстве. Эта динамика нормальна, если принять во внимание природу и роль Советского государства, которое имея государственную (национальную) сущность, в то же время имеет и идеологическую, чье значение выходит за пределы собственных границ и, следовательно, требует более комплексного анализа.

Если первые 20 лет после войны характеризуются достаточно обычными отношениями между советскими и итальянскими коммунистами, то начиная с середины 60-х гг. зарождается динамика, которая заставляет их стать особым компонентом в истории международных отношений в течение холодной войны. Чехословацкий кризис 1968 года и начало "Восточной политики" немецкого канцлера Вилли Брандта можно рассматривать как начало процесса изменения, который приводит Партию к определённой степени автономии и беспрецедентной идентичности, в соответствии со всем, что уже было заявлено в записке, написанной Пальмиро Тольятти в Ялте в последние дни жизни в 1964 году. С одной стороны, в общем плане, новая немецкая "Восточная политика", сформулированная в конце 60-х гг., перемещает внимание советской внешней политики в сторону Германии и Восточной Европы, а не Италии, с другой стороны события в Праге создают первый серьёзный разрыв отношений между итальянскими коммунистами и советским правительством. Это расхождение точек зрения ясно выражается итальянской делегацией летом 1969 года на международной конференции коммунистических партий [Osmanczyk, 2002, ст.428]. В этом случае проявляются несогласия в альянсе коммунистических партий - итальянской стороной формулируется политическая философия, которая должна бы была характеризовать акцию КПИ как "ни ересь, ни ортодоксия"[Pons,2001,ст.937]. Такая формулировка прекрасно выражает идеологическое стремление итальянского руководства развивать независимость существования партии, но не прерывая связей с Советской Россией. Это первый шаг "итальянской дороги в коммунизм". Такой лозунг был в действительности разработан многими годами ранее, начиная со второй половины 50-х гг., самим Пальмиро Тольятти, и в весьма ясной манере выражает курс, который итальянское руководство видит для своей партии. И действительно, если мы рассмотрим два года 1968-1970 в качестве кульминации утверждения автономии итальянских коммунистов, нужно сказать, что доказательство их влияния и присутствия в международной динамике заметно уже в начале 1960-х гг. в случае с противоречиями, возникшими между Советским Союзом и

Китайской Народной Республикой. В период надлома в китайско-советских отношениях в 1962 году итальянские коммунисты становятся активными участниками дебатов между Коммунистической партией Китая и КПСС, показывая свой значительный вес в идеологическом конфликте, который из этого следует: КПИ в своем качестве самой большой компартии западного мира, не только из-за своего размера, но также из-за своего интеллектуального авторитета, обладает определённым влиянием на коммунистические партии Европы и не только, что делает её основным рычагом в советской схеме отношений с социалистическими силами запада и в дипломатических отношениях с этими странами. Таким образом, складывается критическая ситуация, в которой КПИ попадает буквально в центр резкого идеологического спора между двумя самыми большими социалистическими государствами мира, что, в свою очередь, делает положение итальянских коммунистов весьма проблематичным, а выбор слишком явной поддержки одного из двух противников невозможным. В основе проблемы лежит тот факт, что с одной стороны КПИ в начале 60-х гг. принимает "полицентрическое"[Galeazzi,2011,ct 15] видение Пальмиро Тольятти, которое открывает двери в "национальный социализм" и поэтому призывает поддерживать автономию коммунистических партий в своих странах, что запрещает осуждение отдаления Пекина от СССР, и с другой стороны всё ещё сильная преданность России, которая не позволяет принимать идеологическую позицию китайского государства. Это имеет существенные отрицательные последствия для итальянских коммунистов, которые вынуждены противостоять жёсткой критике как со стороны советского руководства, так и китайского, и всё же партия продолжит вести китайское дело в течение еще целого десятилетия, поддерживая политику равноудалённости между двумя сторонами, принимая роль посредника: демонстрацией такого поведения, то есть относительного нейтралитета, видна в случае с инцидентом на реке Уссури, когда самая крупная газета итальянской коммунистической партии сообщает параллельно как советскую, так и китайскую версию фактов[Bordone,1982,ct.562]. Но кроме всего прочего логика КПИ состоит в сближении СССР и КНР, этих мировых столпов антиимпериализма, разделение которых ставит под угрозу сам социализм: лозунг "единство в многообразии" уже скорее утвержден, поэтому долг всех видов социализма, и тем более национального, состоит в защите основного единства точек зрения, разделении общего видения мира так, как оно живо описано в газете "Rinascita". В дальнейшем доказательство внимания КПИ к развитию ситуации с Китаем можно увидеть во время визита президента Никсона в 1972 году и последующие за этим китайско-американские соглашения, которые

рассматриваются как позитивные при условии, что такой диалог не имеет антисоветской функции [Bordone,1982,ct584]. Вопрос советско-китайских отношений будет развиваться ещё много лет, и его анализ позволяет в свою очередь частично понять идеологическую эволюцию КПИ и европейских коммунистических партий. Без сомнения, деятельность КПИ проявляется во многих других ситуациях на международном плане, и определено необходимо проанализировать постоянное присутствие партии в обсуждениях, характеризующих движение неприсоединения. В этом смысле нельзя не сделать серию общих замечаний: в контексте десятилетий, следующих за окончанием второй мировой войны, движения по освобождению от колониальной зависимости, существовавшие в Азии, Африке и Латинской Америке и окончательное формирование движения неприсоединения играют определяющую роль в развитии мировой политики, и лидеры революционных движений в таких странах внимательно наблюдают за эволюцией отношений между основными коммунистическими партиями и особенно за противоречиями между КПСС и Коммунистической партией Китая. В этой ситуации итальянские коммунисты оказываются среди первых, кто высказывается в пользу международного политического утверждения движения неприсоединения, демонстрируя таким образом идею сильного союза стран третьего мира, в котором активную роль играл социалистический блок. Стоит отметить присутствие КПИ на конференции движения неприсоединения в Каире в 1964 году, которому дана существенно положительная оценка как играющему активную роль в поддержке стремлений движения[Galeazzi,2011,ct 125].

Другими знаками деятельности КПИ в международном вопросе о неприсоединённых странах являются визит Паджетты в Египет Нассера в феврале 1965 года, где делегация итальянских коммунистов принимается официально: хотя это фактически остаётся визитом партии, египетские власти рассматривают его как институциональный визит со стороны итальянского государства[Galeazzi,2011,ct.126], и сам итальянский посол в Египте замечает, что теперь Союз арабских стран решает налаживать контакт напрямую с итальянскими коммунистами, и что египетская республика рассматривает КПИ в очень благоприятном ключе. Знаменательным стал поворот политической линии партии: по прошествии половины 60-х гг. КПИ несмотря на то, что была коммунистической партией внутри страны западного блока (и, таким образом, силой оппозиции), решает принять всё более и более активную и сильную роль на поле международных отношений. Её деятельность не имеет препятствий со стороны самого итальянского государства, которое начинает считать КПИ

ценной силой, с помощью которой можно общаться не только с социалистическим блоком, но также с реальностями третьего мира.

В целом итальянские коммунисты дипломатически приближаются к Египту Нассера, подчеркивая важную роль и в основе своей социалистическую природу его режима, но также необходимость роли СССР в этом процессе. В этом проявляется внутренняя проблема, которая сопровождает КПИ с 60-гг и далее - поддержка утверждения новых революционных движений в целях утверждать в то же время также новое видение путей в национальный коммунизм, но не отказываясь от лидирующей роли СССР как нации-проводника в этом процессе освобождения. Другими словами, рассматривается классический интернационализм, который видит СССР политическим эпицентром, с новым маршрутом входа национальной автономии в зону за границами социализма. Другой пример значимости показывает Вьетнам, который в фазе максимальной интенсивности конфликта во второй половине шестидесятых годов видит деятельность КПИ нацеленной на ослабление напряженности и на достижение состояния мира, а также примером может служить эффективная советская дипломатическая акция в пользу мира между Индией и Пакистаном. В этом случае итальянские коммунисты пытаются играть роль в возможных переговорах между силами Хо Ши Мина и американской армией. В этом случае вся делегация приглашена в Ханой и Ла Пира, представитель партии, участвует в коллоквиуме с представителями лидерства вьетнамского север. Несмотря на то, что попытка мирного решения вьетнамского вопроса заканчивается провалом, всё же проявляется международная роль, которую КПИ удаётся играть, вовлекая также Ватикан и католическую церковь, которая имеет свой интерес в исходе конфликта во Вьетнаме[Gunipiero,2012].

Итальянская коммунистическая Партия как государство в государстве, похоже, почти проводит собственную внешнюю политику, которая расширяет официальную внешнюю политику итальянского государства, несмотря на идеологические ограничения, которым подчинены также и внутренние события, характеризующие итальянскую политическую жизнь. Как замечают все политологи и историки, деятельность коммунистических партий в ходе холодной войны охарактеризована сложной системой взаимозависимости между событиями внутренней и внешней политики. Именно в этой точке полезно вспомнить, что также с советской стороны проявляется некоторый интерес к итальянским делам: советский правящий класс, начиная с середины 60-х, когда Италия скорее не была значительной военной силой в поддержании международного равновесия, направляет всё большее внимание, понимая

стратегическую ценность итальянского государства, которое является нацией-"мостом" между западом и социалистическим блоком. В действительности это означает, прежде всего, учреждение крепкой системы двусторонних отношений между двумя странами и в политическом секторе, и в экономическом и культурном[Salacone,2013].

В дальнейшем, начиная со времени Брежнева, такой контакт становится всё более глубоким, так что в конце десятилетия (вследствие коммерческих соглашений 1966-69 гг.) министр иностранных дел Громыко сообщает в секретной форме советскому послу в Риме о большой важности, которую Италия может представлять в перспективе стабилизации равновесия в Европе, поскольку итальянская республика, будучи в хороших отношениях с СССР, могла бы ослабить изнутри фронт самых решительных антисоветских сил. Поэтому политическая линия всей эпохи Брежнева по отношению к Италии будет направлена в сторону прогрессивного сближения и улучшения отношений в первую очередь на экономической основе.

И именно в созвучии с такой политической линией происходит важная эволюция в способе дипломатического сближения. Советский Союз начинает налаживать контакт со всеми итальянскими политическими силами, а не только с коммунистами: в отличие от времени двадцатью годами ранее, когда система оказания влияния на итальянскую политику была настроена через деятельность КПИ, начиная с 60-х гг., советская дипломатия обращается ко всей итальянской политической системе, которая включает большие некоммунистические партии. Итало-советские отношения меняют форму и достигают всё более тотального размера, как показывает, например, сближение с Аминторе Фанфани, одним из самых заметных и авторитетных итальянских политиков за всё время холодной войны, но прежде всего отличавшимся видением внешней политики, нацеленным на "сближение между Римом и Москвой", поддерживаемым, впрочем, и самим Папой Джованни. Поэтому с советской точки зрения Фанфани становится жизненно важным элементом установления более эффективного диалога как с католическим миром, так и с итальянским промышленным миром и даже с американской администрацией (которая в той же мере ценила Фанфани). Последний может рассматриваться самым близким к России главой западного правительства во времена кризиса в Берлине в 1961 году, и именно он в действительности выступает защитником экономического соглашения, по которому Италия покупает нефть у СССР, что кроет в себе причину кризиса в других странах-членах блока НАТО по договору о поставках газа в 1969 году, разрешённому благодаря посредничеству итальянской коммунистической Партии. Абстрагируясь от результатов такой политической

открытости в долгосрочной перспективе, можно отметить, что общее направление итало-советских отношений между шестидесятыми и семидесятыми годами имеет признаки серьёзных изменений, которые приведут к преодолению традиционных категорий, признанных на тот момент. Следует в действительности также помнить, что в фазе самых передовых идеологических дебатов и напряжённости КПИ всё же не принимала открыто сторону Китая, что частично является примером для подражания в плане реализации собственной автономии и посредством этого самым большим проектом сотрудничества и взаимодействия между коммунистическими силами запада. Теперь мы находимся в фазе разработки Еврокоммунизма в 1975 году, который представляет самое большое следствие доктринальной автономии КПИ в точке своего максимума.

В конечном счете, самый основной первоначальный аспект в истории отношений между СССР и КПИ в ходе холодной войны, который следует рассматривать, - это любопытное изменение ролей. Парадокс, на основе которого в то время как с одной стороны итальянская коммунистическая Партия предпринимает всё более решительные шаги в сторону автономии и национального социализма, с другой стороны советское руководство решает постепенно уходить от посредничества КПИ в коммуникации с итальянским правительством.

Если сформулировать ещё более ясно политологическую динамику, имевшую место на практике, Советский Союз всё больше теряет свою собственную коммунистическую идентичность в пользу общей государственной идентичности, которая прямо сообщается с другими государствами, социалистическими и несоциалистическими.

Обычная логика государственной силы начинает на дипломатическом плане преобладать по отношению к идеологическому фактору и марксистско-ленинистскому православию, то есть это добавляет важную дозу "реальной политики" в международные отношения, в то время как в противоположность этому итальянские коммунисты всё больше поддерживают идеалистический и автономный путь для себя самих, и для всех остальных коммунистических партий. Это естественное и постепенное разногласие между логикой партии и государственной логикой, созревшее между 60 и 70-ми годами - характерная черта, которая окажет влияние на остаток холодной войны вплоть до её окончания.

Список литературы

1. Alessandro Salacone , *Le relazioni italo-sovietiche nel decennio 1958-*

1968. Uno sguardo da Mosca "Storicamente", 9 (2013), no. 5. DOI: 10.1473/stor434
2. Elena Aga Rossi e [Victor Zaslavsky](#), *Togliatti e Stalin. Il PCI e la politica estera staliniana negli archivi di Mosca*. Bologna, Il Mulino 1997
 3. Fiamma Lussana, Giacomo Marramao *L'Italia repubblicana nella crisi degli anni 70 : culture, nuovi soggetti, identità*, 2003, Rubettino
 4. Massimo de Leonardis, *Guerra fredda e interessi nazionali. L'Italia nella politica internazionale del secondo dopoguerra.*, edizione Rubettino, 2014
 5. Marcello Flores, Nicola Gallerano, *Sul PCI. Un'interpretazione storica*, Il Mulino, 1992
 6. Marco Galeazzi *Il Pci e il movimento dei paesi non allineati 1955-1975* , , edizione Franco Angeli, Milano, 2012
 7. Sandro Bordone, *IL PCI E LA CRISI CINESE (1969-1977)*, *Il Politico* Vol. 47, No. 3 (1982)
 8. Silvio Pons, *L'impossibile egemonia. l'Urss, il Pci e le origini della guerra fredda*, 1943-1948, Carocci, Roma 1999
 9. Silvio Pons, *L'Italia e il Pci nella politica estera dell'Urss di Brežnev*, *Studi storici* Anno 42, No. 4, *L'Italia repubblicana negli anni Settanta* (Oct. - Dec., 2001), Fondazione Antonio Gramsci.

..